

Инь Яньцзюнь не колебался ни секунды. Он распахнул дверь и стремительно вошёл в комнату. Молодой господин на кровати был сжался в плотный комок, но слегка вздувшийся живот придавал ему особенно жалкий вид.

Юноша что-то бормотал, его голос дрожал и срывался. Он был пленником кошмара, а по лбу беспрестанно катился холодный пот.

Инь Яньцзюнь поспешил к кровати и мягко окликнул молодого господина, но тот, погружённый в ужас сна, словно не слышал ничего из происходящего вокруг, лишь беспрерывно дрожал.

Сюй Яньцин будто стоял перед странной, но отчасти знакомой дверью. Он замер на пороге, растерянный и беспомощный. Дверь была заперта изнутри, а за ней раздавались крики ссоры и грохот падающих предметов.

Мальчик стоял у двери очень долго. Прохожие, поднимающиеся и спускающиеся по лестнице, смотрели на него с жалостью и сокрушением, но были бессильны перед подобными семейными дразгами.

Маленький Сюй Яньцин не понимал выражения их глаз. Он крепко обнимал свой рюкзак и сидел у двери очень, очень долго — с тех пор, как вечернее солнце окрасило всё в алый свет, и до тех пор, пока в лестничной клетке не сгустилась тьма.

Казалось, что те, кто был внутри, наконец выдохлись от споров. Мальчик у двери моргнул, и в его потухшем взгляде мелькнул проблеск света: наконец-то можно войти.

Скорее всего, было уже за восемь вечера, а мальчик так и не поужинал. Его живот был пуст и болел от голода, а домашнее задание так и не было сделано. Если он его не закончит — его снова, скорее всего, побьют.

Дверь, наконец, открылась. Мужчина, вышедший из комнаты, застал мальчика сидящим у двери и замер в удивлении. Он выругался и, подняв руку, втолкнул мальчика внутрь. Комната была в беспорядке, а дверь в спальню плотно закрыта.

Мужчина, казалось, переключил внимание. Он потащил мальчика и начал новый поток брани, перенеся всю злость, накопившуюся из-за матери, на самого ребёнка.

Мальчик протянул руку и стал теревить одежду от скуки, но мужчина заметил это. Он тут же отшвырнул его руки, и на них моментально выступили красные пятна от удара.

Мужчина оттолкнул ребёнка в сторону и направился в комнату. Ссора возобновилась. Мальчик было собрался идти к себе, но в этот момент из комнаты вышла мать.

— Иди делай уроки! Почему ты торчишь у двери вместо того, чтобы сразу после школы идти домой? Мал ещё, а уже хитрости и лень проявляешь, прямо как твой отец. — Женщина, похоже, забыла, что даже не дала мальчику ключ от входной двери, а в такой атмосфере ссор он попросту не осмеливался возвращаться домой.

— Я хочу есть, — сказал мальчик, подняв голову. Его глаза были тёмными и ясными, и в то же время в них светилась странная, не по возрасту взрослая отстранённость, от которой женщину бросило в дрожь.

Но она увидела в этом лишь дерзость. Взглянув в эти пугающе спокойные глаза, она, то ли

подавшись внезапному порыву, то ли просто по привычке, подняла руку и с размаху ударила мальчика по щеке:

— Живо за уроки! Не сделаешь — останешься без ужина!

— Я хочу есть, — повторил мальчик. Ему было всё равно на боль в щеке. Он опустил голову и потёр ноющий живот. Казалось, что если он не поест прямо сейчас, то просто умрёт от голода.

Рука женщины дрожала. Она схватила мальчика и толкнула его в комнату:

— Мал ещё, а уже огрызается с родителями! Сиди тут и подумай о своём поведении. Не сделаешь домашку — завтра не получишь и завтрака!

Дверь с грохотом захлопнулась, и этот звук больно ударил по ушам. Мальчик свернулся в кресле, прижимая руки к животу, пытаясь хоть как-то унять ноющую боль.

В тот вечер он так и не поел. Преодолевая голод, он медленно и старательно выполнял задание.

Спустя примерно час из главной спальни снова вышел мужчина. Он спросил у женщины что-то о мальчике, но не успел она договорить и пары фраз, как вновь сорвалась на колкие замечания.

Мужчина не вытерпел, и в очередной вспышке ярости они снова начали ссориться. Мальчик в своей комнатке молча слушал шум снаружи. Он приоткрыл дверь, надеясь пробраться на кухню и найти хоть что-нибудь поесть.

Ни мужчина, ни женщина не заметили ребёнка за спиной. Они продолжали ссориться. Мужчина, окончательно потеряв терпение, толкнул женщину на пол и уже не желал продолжать спор. Но женщина, охваченная яростью, схватила с стола какой-то предмет и метнула его в мужчину.

Мужчина ловко уклонился, и предмет пронёсся мимо него. Затем воздух пронзил женский крик. Мальчик моргнул — по его лбу потекла тонкая струйка крови. Голова пульсировала от боли, живот ныл, ломило всё тело. Наконец, перед глазами всё поплыло, и он рухнул на пол.

...

Весь сон был соткан из боли. Молодой господин на кровати вздрагивал и тихо стонал, шепча о боли, но не мог проснуться.

Инь Яньцзюнь несколько раз позвал его по имени, наклоняясь к самому уху, но молодой господин оставался в плену кошмара. Лоб Инь Яньцзюня нахмурился. Он осторожно поднял юношу с кровати и прижал к себе, одной рукой мягко поглаживая его по спине, как успокаивают ребёнка.

В самом сердце сна, охваченный кошмаром, молодой господин почувствовал, как кто-то прижался лбом к его лбу, а у уха прозвучал тихий, ласковый голос:

— Не бойся. Всё уже хорошо.

Под тёплым прикосновением Инь Яньцзюня молодой господин постепенно начал расслабляться. Он вслепую потянулся рукой, и Инь Яньцзюнь вложил в неё свою ладонь, переплетая их пальцы.

Сюй Яньцин почувствовал, как его окружила светлая, чистая аура, исходящая от даосского наставника. Во мраке сна перед ним замерцал тусклый свет. Но солёная рыбина уже не имела сил. Глядя на свет, он понимал, что дотянуться до этого сияния он не сможет.

Поэтому молодой господин, с болью во всём теле, в изнеможении закрыл глаза. Немного отдохнув, он снова с усилием приоткрыл их. Свет, ещё недавно казавшийся таким далёким, стал понемногу расти, разрастаясь, пока не окутал его целиком.

Сюй Яньцин резко распахнул глаза. Сонно потянулся рукой к лбу — туда, где во сне болело, — и нащупал влагу.

— Больно... — тихо пробормотал молодой господин. Он поднёс пальцы к глазам — на них была всего лишь вода, не ярко-красная кровь из сна.

Инь Яньцзюнь всё ещё крепко обнимал его, утешая мягким и тёплым голосом:

— Где у молодого господина болит?

Слабый и уязвимый молодой господин, глядя на даосского наставника, будто ребёнок, нашедший утешение после обиды, с ноткой жалобы в голосе произнёс:

— Уши болят, живот болит, и лоб тоже... Всё тело болит!

Инь Яньцзюнь не отпустил его. Он протянул руку и бережно осмотрел уши, лоб и живот юноши.

Тот был совершенно цел — ни царапины, ни синяка. Но Инь Яньцзюнь всё равно терпеливо и осторожно массировал его уши и лоб, мягко говоря:

— Потерпите немного, молодой господин. Сейчас боль пройдёт.

Сюй Яньцин прижался к даосскому наставнику, одной рукой продолжая держать его за руку, а второй крепко сжимая его одежду.

Его солёно-рыбья сущность не относилась к тем, кто любит предаваться воспоминаниям и отказывается просыпаться. С момента переселения Сюй Яньцин почти не вспоминал о прошлой жизни. Возможно, сегодняшний неистовый и неадекватный отец Ли Юэяо напомнил ему о его собственных родителях.

Под неспешным утешением даоса молодой господин наконец пришёл в себя. Он разжал пальцы, отпуская его одежду, и, слегка смущённый, почесал затылок, тихо сказав:

— Наставник, мне уже лучше.

— Ещё болит? — Инь Яньцзюнь мягко отодвинул его руку от головы, его голос был предельно ласков.

Молодой господин покорно покачал головой — только тогда он заметил, что по-прежнему целиком устроился в объятиях даоса. Солёная рыбина уже не была уверена, считается ли это «социальной смертью» — в любом случае, никто не видел, так что он просто сдался и остался сидеть в объятиях наставника.

Толстокожесть — дело тренировки: чем больше упражняешься, тем крепче становится. А солёная рыба чувствовала, что достигла определённого уровня.

Инь Яньцзюнь тактично не стал спрашивать, из-за чего приснился кошмар, лишь продолжал тихонько похлопывать юношу по спине, убаюкивая его.

Но, пережив такое, Сюй Яньцин, разумеется, уснуть не мог. Он снова потянулся почесать шею и завёл с даосом разговор.

Инь Яньцзюнь был значительно старше молодого господина, и вполне можно было сказать, что он знал всё — от астрономии до географии.

Юноша сидел, прижавшись к наставнику, внимательно слушая, хотя время от времени всё равно поднимал руку, чтобы почесать затылок.

Инь Яньцзюнь мягко перехватил его руку, взгляд скользнул к бледной и нежной шее молодого господина. На коже осталось покраснение от ногтей.

— Опять шея чешется? — нахмурился Инь Яньцзюнь. По его воспоминаниям, сегодня Сюй Яньцин уже несколько раз расчесывал шею. Он как-то спрашивал его об этом, но так и не получил ответа.

— Шея? — переспросил Сюй Яньцин и на мгновение задумался, чувствуя, как в последнее время стал чуть медлительнее в реакциях. Но как только даос об этом упомянул, он сразу вспомнил о периодически накатывающих горячих приливах.

Времени для их появления не было — вспышки приходили без всякого порядка. Последние дни в деревне рода Сюй были слишком спокойными и беззаботными, и Сюй Яньцин уже успел подзабыть о своей странной «болезни».

Вспомнив особенности этих приступов, солёная рыбина окончательно отказалась от всякой гордости: он прильнул к даосу и вдохнул его запах, как извращенец — долго, глубоко и с наслаждением.

Внезапно апатичная солёная рыба поняла, что чувствует себя как кошка, учуявшая кошачью мяту. Это упоительное ощущение было недоступно простым смертным — оно было абсолютным блаженством!

Он поднял руку, взял ладонь даоса и приложил её к своей шее. Молодой господин, напрочь забыв о стыде, тихо простонал:

— Так чешется... Наставник, почеси...

— Ты точно в порядке? — Инь Яньцзюнь не мог не волноваться: шея молодого господина уже не впервые вызвала у него беспокойство.

Молодой господин отмахнулся небрежным жестом. Главное жизненное правило солёной рыбы гласило: если не можешь бороться с миром — ложись и отдыхай с комфортом!

—

А в столице Сюй Сяньчжи насильно вытащили на матч по поло, но видно было, что душой он был явно не здесь.

Инь Юаньчэн подскакал к нему на лошади и плечом слегка подтолкнул:

— О чём задумался? Прямо витишь в облаках.

— Хм, — Сюй Сяньчжи натянул поводья, отводя лошадь в сторону, чтобы случайно не задеть грациозного и утончённого молодого маркиса: — Сегодня должно прийти письмо от моего А Цина. — А потому ему вовсе не до игры. Если бы молодой маркис не вытащил его силой, он бы из дома даже не вышел.

Маркис, обожающий свою сестру, сложил ладони в знак уважения и признал поражение перед принцем, столь любящим своего брата. Но всё же не удержался от вопроса:

— А что за болезнь у молодого господина Сюя, что его пришлось отправить в деревню на поправку?

Сюй Сяньчжи тут же нахмурился:

— Откуда молодой маркис знает, что мой А Цин в деревне поправляется? — По логике, столичные юные господа знали лишь то, что А Цин поехал на поклонение предкам, и только. А маркис вот так просто и без раздумий сказал: «на поправку».

Поняв, что проговорился, Инь Юаньчэн поспешно рассмеялся и попытался сгладить ситуацию:

— Да так, получил императорский указ, отправился в Цзянчэн, попал под проливной дождь, и случайно повстречал молодого господина Сюя. Вот и задержался у него дня на два.

Сюй Сяньчжи бросил на него взгляд, в котором теплилось подозрение, но всё же произнёс благожелательно:

— А Цин мне об этом не писал. Хотя это на него похоже — добр душой, делать добро для него — дело естественное. — В каждом его слове сквозила гордость за младшего брата.

Инь Юаньчэн: Не совсем это я имел в виду...

Перекинувшись ещё парой вежливых фраз, маркис так и не смог выпытать у Сюй Сяньчжи, чем болен молодой господин Сюй. После окончания матча он поднял глаза и заметил, что наследника Уаньгуна уже нет на поле.

Инь Юаньчэн погладил подбородок. Все говорили, что Сюй Сяньчжи — суровый военный, но теперь маркизу казалось, что наследник маркизата Уань — человек весьма проницательный и неглупый.

В это время к нему подошла принцесса Цзинъань и похлопала брата по плечу:

— Братец, ты выиграл матч, почему стоишь и мечтаешь, вместо того чтобы забирать приз?

— Да вот только что болтал с наследником Уаньгуна, а теперь глядь — и след простыл, — Инь Юаньчэн обернулся к сестре, улыбнувшись с лаской: — Сегодняшний приз — золотая шпилька. Пойдём, брат сейчас тебе его добудет.

— Спасибо, братец, — губы принцессы Цзинъань слегка изогнулись в улыбке. Сегодня она была в смелом амазонском наряде, с хлыстом в руках, и выглядела действительно блистательно.

—

Сюй Сяньчжи вернулся домой — и точно, родители уже вскрыли письмо. Он подошёл, слегка недовольный:

— Отец, мать, вы и вправду не могли подождать меня?

Госпожа Су, заметив его, тут же замахала рукой, приглашая подойти, и на лице у неё всё ещё сияла улыбка:

— Иди скорее, посмотри! А Цин в этот раз больше не пишет рецептов! Письмо гораздо интереснее, чем обычно.

Раньше письма молодого господина Сюя сводились к тому, что он ел сегодня и что собирается поесть завтра — читать их было откровенно скучно. Но маркиз Уань и его супруга скучали по младшему сыну и могли узнавать хоть что-то о его жизни только из этой кучи кулинарных записей.

Это семейное письмо действительно оказалось куда интереснее предыдущих. Сюй Яньцин, последовав совету даосского наставника, упомянул, как ломал кукурузу в поле, как после проливного дождя рухнул курятник, и какие безделушки он мастерил каждый день. В самом конце он кратко упомянул о состоянии плода.

Госпожа Су улыбалась, читая письмо, и в какой-то момент не сдержалась — две слезинки скатились по её щекам. Хотя её младший сын и раньше частенько не появлялся дома по нескольку дней, по крайней мере, он был в столице, и она могла послать слугу, чтобы его позвать. А теперь он уехал так далеко — разве можно не волноваться?

— Почему ты плачешь? — Маркиз Уань мягко похлопал жену по спине, утешая её: — Этот негодник сейчас, скорее всего, резвится в деревне рода Сюй от всей души. Вот приедет, и начнёт каждый день ходить за тобой по пятам — сама же начнёшь ворчать, что надоел.

Госпожа Су сердито зыркнула на мужа:

— С каких это пор я называла сына надоедливый? Не переваливай на меня свои слова!

Маркиз Уань сразу же замахал руками, прося пощады:

— Хорошо, хорошо, я виноват. Прошу у жены прощения.

Эта приторная нежность между родителями стала для Сюй Сяньчжи настоящим ударом — он не смог это выносить. Схватил письмо, адресованное лично ему, и тут же сбежал.

Если вы спросите, каково это — быть сыном у родителей, чья любовь друг к другу зашкаливает? Сюй Сяньчжи без колебаний ответит: столько собачьей романтики, что ходить невозможно — всё кишки забиты!

—

А в княжеской усадьбе принца Хуая слуги суетливо сновали у ворот, всё поглядывая на улицу, а затем тревожно оборачивались назад, вглубь поместья.

И наконец, показался утончённый и элегантный молодой маркиз, неторопливо подъезжавший верхом.

Группа слуг тут же кинулась навстречу, чтобы принять повода:

— Молодой маркиз, наконец вы прибыли! Ещё бы немного — и нам бы не суждено было дожить до этого момента!

Инь Юаньчэн перекинул ногу и неспешно зашагал к покоям принца:

— Что там у вашего князя стряслось? С чего такая спешка? Неужели что-то серьёзное?

Старый управляющий усадьбы покачал головой:

— Старый слуга тоже не ведаёт, но кажется, сегодня Его Высочество крайне обеспокоен...

Инь Юаньчэн кивнул и направился в кабинет принца.

Принц Хуай как раз мерил шагами кабинет. Завидев Инь Юаньчэна, он бросился ему навстречу:

— Мой дорогой племянник, ты наконец-то здесь! Ещё бы немного, и твой дядя умер бы от тревоги!

— Ваше Высочество обычно столь мудры и спокойны... Что же за великое событие так выбило Вас из колеи? — Инь Юаньчэн шагнул вперёд неторопливо, сохраняя образ скромного и утончённого джентльмена.

— До великого фестиваля, что проводится раз в пять лет, осталось меньше двух месяцев. Все вассальные государства соберутся во дворце, чтобы выразить уважение императору. А его до сих пор нет! Что мне, скромному князю, теперь делать? — Он был едва способен справляться с приёмами обычных посланников, не говоря уже о дворцовых банкетах с послами. Принц Хуай всегда был разборчив в подобных вопросах и знал своё место.

— Насколько помню, Ваше Высочество недавно подавали императору прошение? — вассальная дипломатия действительно была делом государственной важности, и Инь Юаньчэн невольно нахмурился. Император всегда придавал большое значение внешним отношениям. Невозможно, чтобы он оставил такое дело без ответа. Или всё-таки что-то его сдерживало?

В этот момент в памяти Инь Юаньчэна всплыло красивое и утончённое лицо молодого господина Сюя. Мысли его поплыли. В самом деле — император влюбился, и ради молодого юноши откладывает государственные дела?

Впрочем, это была лишь ироничная мысль. Инь Юаньчэн не верил, что император мог бы совершить столь недалёковидный поступок.

Поэтому он спокойно утешил принца Хуая:

— Ваше Высочество, не беспокойтесь. Император всегда придавал большое значение внешней политике. Он наверняка не собирается перекладывать это бремя на Ваши плечи. Я тоже подам вторичное прошение, чтобы поторопить его с возвращением.

— Любимый мой племянник! — Принц Хуай не удержался и хлопнул его по плечу, вздохнув: — Моя жизнь теперь в твоих руках! Обязательно приведи императора обратно!

Инь Юаньчэн тоже чуть не заплакал: он только и надеялся, что действительно сможет вернуть императора в столицу как можно скорее.

—

Так перед письменным столом Инь Яньцзюня стали накапливаться одно за другим прошения с призывом вернуться в столицу и лично возглавить государственные дела.

Молодой господин солёная рыба поднял голову. Он редко видел даосского наставника таким — собранным, строгим и даже слегка обеспокоенным. По наитию он приблизился к нему и спросил:

— Что там стряслось в столице, раз наш наставник так озабочен?

Инь Яньцзюнь закрыл лежащее в руке прошение, бросил его на стол и, посмотрев на оживлённого молодого господина перед собой, серьёзно, но мягко спросил:

— Господин, вы готовы вернуться со мной в столицу?

Первая реакция солёной рыбы была — категорическое «нет». Возвращаться он не хотел! А затем, немного растерянно, всё же переспросил:

— В столице и правда случилось что-то серьёзное?

Инь Яньцзюнь, разумеется, уловил и нежелание, и мгновенную скованность молодого господина. Он не стал давить, лишь спокойно посмотрел на него и мягко пояснил:

— До пятилетнего Новогоднего фестиваля остался месяц с небольшим. Все вассальные государства придут в столицу, чтобы выразить почтение монарху, поэтому я должен вернуться во дворец и лично заняться подготовкой.

— Тогда наставнику и следует первым вернуться во дворец! — Молодой господин-солёная рыба опустил голову. Внутри у него возникло необъяснимое, гнетущее чувство — он сам не знал, чего ему так не хочется. Но всё же он упрямо сказал: — Я и сам справлюсь.

В конце концов, он изначально и не рассчитывал, что кто-то будет рядом, когда появится этот маленький боб. То, что даос был с ним всё это время — уже огромное счастье.

Но главное — молодой господин вовсе не хотел возвращаться в столицу. Тем более не собирался идти во дворец. И уж точно не хотел снова сталкиваться с тем, что когда-то, в порыве импульса, отложил в сторону.

Ведь в голове солёной рыбы и так было мало места — тяжёлые мысли туда просто не помещались. Они не соответствовали её расслабленной философии жизни.

— Тогда я поеду первым? — Инь Яньцзюнь улыбнулся и взглянул на него с неизменной мягкостью.

Сюй Яньцин потянулся рукой к затылку — горячая вспышка как раз началась. Придётся до отъезда наставника незаметно «позаимствовать» немного одежды, в идеале — поношенной, и желательно немытой...

Но в какой-то момент Сюй Яньцин задумался: не слишком ли он катится по наклонной? Не превращается ли он в самого настоящего извращенца-солёную рыбу?

Подавленный солёный сом снова начал сомневаться в смысле жизни. А даос, который шаг за шагом вёл молодого господина к «пути извращения», всё так же невозмутимо улыбался с видом истинного бессмертного.

Это было просто невыносимо!

В сознании молодого господина возник образ солёной рыбы со слезами на глазах, которая

тычет в даоса плавником и с отчаянием его прокликает.

Инь Яньцзюнь поднял руку и ласково погладил пухлую щёку молодого господина. Затем его ладонь скользнула вверх вдоль лица и начала мягко массировать и поглаживать бледный, нежный затылок:

— О чём ты так глубоко задумался?

О том, как украсть у тебя одежду...

Молодой господин невинно моргнул. Но, разумеется, такие бесстыдные и пошлые мысли он вслух не скажет.

Горячая вспышка только началась. Пока ладонь даоса гладко скользила по его коже, молодой господин-солёная рыба не смог удержаться и сам прижался к ней затылком.

В глазах Инь Яньцзюня мелькнула тень нежности. Он провёл ладонью выше, мягко перехватил пальцами его мягкие волосы и чуть растрепал их. Он и не думал давить на молодого господина, но оставить его одного в деревне рода Сюй — тоже не мог позволить.

Значит, в этой «битве между двумя армиями» ему предстоит придумать хороший способ увезти солёную рыбу с собой.

<http://bllate.org/book/12638/1120950>